

Василий Трофимович Нарезный

Невеста под замком
(Новые повести)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0024
III.....	.0028

В. Т. Нарезный
НЕВЕСТА ПОД ЗАМКОМ{1}

Комната ювелира Руперта, который, разлегшись на софе, курит табак. У окна сидит племянница его Розина и шьет в пальцах.

Руперт. Правду сказать, племянница, хотя тебе исполнилось уже двадцать лет, но ты все еще не довольно разумна. Как можно почтенное звание ювелира ставить на ряду с простым званием колбасника или трубочиста? Будь тебе известно, что более тридцати лет назад, как начал я каждый воскресный день, бывая в кирке, приносить господу богу благодарственные молитвы, за то, во-первых, что он сотворил меня немцем, во-вторых, что судил быть мне ювелиром, а не кем-нибудь другим, в-третьих, что соблаговолил даровать мне возможность рассуждать здраво о политике! Видишь ли, сколько во мне одном высоких преимуществ, а ты неразумная...

Розина. Оставьте меня при моем неразумии, и это мне будет очень приятно, ибо вы вместе с тем оставите смешное желание — иметь меня своею женою. Посудите сами — мне только двадцать лет!

Руперт. Тем лучше! и мне не менее пятидесяти. Посуди ж, какая милая пара! я тридцатью годами тебя старше, а потому в тридцать раз умнее. Что этого лучше?

Розина. Не может быть хуже! я — по вашим же словам, — выхожу глупее вас в тридцать раз. Что ж вам со мною делать?

Руперт. Это уж не твоя забота!

Розина. Вы очень бережливы, а я чрезмерно расточительна.

Руперт. Мой долг будет и тебя научать бережливости.

Розина. Я совсем не пойму вашего учения.

Руперт. Я немец, следовательно самое терпеливое животное. Как посидишь у меня день-другой на хлебе и на воде, так на третий с особенным вкусом покушаешь румфордского супу.

Розина. Но если вы такой заклятый немец, то для чего не жалуете вашего биргер-клуба?

Руперт. Терпеть не могу! там столько повес обоего пола, что совершенно нельзя заниматься политическим разговором.

Есть, правда, и там изрядные политики, как то: каретник Ульрих, столяр Бертольд,

шорник Фабиан и некоторые другие почтенные люди, но зато превеликая пропасть бухгалтеров с контор здешних купцов и погребщиков, так что размигнуться с ними нельзя. Они-то лютые мои злодеи! в политике сущие невежды, и ни о чем не говорят, кроме похабства, ничего не делают, кроме волокитств разного рода.

Сколько невест перебили у меня эти проклятые!

Розина. Позвольте спросить, дядюшка, как будет по вашей политике: если мне запрещается кого-нибудь любить, то позволяется ли в то же время другого не любить?

Руперт. Здравая политика отнюдь тому не противится.

Люби, кого хочешь, а повинуйся, кому должно.

Розина. Согласна! вы получили от отца моего при кончине наличными деньгами тридцать тысяч рублей моего приданого. В этом вы не отопретесь, ибо есть свидетели.

Возвратите мне мои деньги и женитесь, на ком угодно, а я за вас ни за что не пойду, потому что не люблю политиков.

Руперт. Разве я просил, чтоб ты меня любила? Довольно и того, что будешь моею женой и исполнять мою волю.

Любовь в женитьбе — дело постороннее.

Розина. А для меня весьма не постороннее. Чтобы вам сделать ответ однажды навсегда, скажу, что я давно уже влюблена, и не в вас, дражайший дядюшка!

Руперт. А мне какая до того надобность? Я сказал уже:

люби, кого хочешь, а будь послушна мне! добрый немец в таких случаях великодушнее самого великодушного из всех народов в свете. Лишнего я не требую! Ты не хочешь иметь меня мужем, — дельно! но я хочу иметь тебя женою, — законы этому не противятся, и ты, по завещанию покойного моего брата, а твоего отца, непосредственно зависишь от моего произвола. Итак, было б тебе известно, что завтрашний день ты будешь моею любезною женою!

Розина. Скорей утоплюсь в Мойке![1]

Руперт. О! в таком случае и пастор венчать не станет.

Немецкие духовные все вообще преразум-

ные люди. Если ж не утопишься, то будешь за мною.

Розина. Так не хочу же умирать назло вам. Буду жить, и — не вашею женою.

Руперт. Пустяки! и не заметишь, как обвенчают!

Розина. Но что вам приятности, если я на первом бале в биргер-клубе встречу с моим любовником, и...

Руперт. Этого-то не будет, потому что ты никогда не будешь в клубе. А хотя бы и случилось, так разве я первый буду из политиков, которого жена обманывает? От этой беды никто не умирает, а особенно из немцев.

Розина. Ну, не совестно ли вам, дядюшка, что вы честную девку, да еще и близкую родственницу, с намерением хотите сделать — ах! стыдно и выговорить!

Руперт. Что? С чего ты это взяла? Я желал бы видеть тебя целомудреннее всех Сусанн{2} на свете. Впрочем, если ты и впрямь станешь упорствовать и не соглашаться на благие мои намерения, так по мне с богом, хоть на все на четыре, и вешайся на шею, кому хочешь.

Розина. С радостью, эту ж минуту! отдайте

мои деньги!

Руперт. О, о! нельзя ли потише? Первое: ты не знаешь счетов моих с покойным братом, а сверх того не рассудила, чего ты сама мне стоишь!

Розина. Что это значит? Вы хотите отпереться в деньгах моих? Возможно ли? Ведь я была уже пятнадцати лет, как лишилась ба-тюшки, и очень помню последние слова его, в коих изъяснялся прямо, что оставляет мне, собственно мне, тридцать тысяч рублей. Это было при вас; для чего вы тогда не упомянули ему о своих счетах?

Руперт. Здравая политика не позволяет оскорблять умирающего. А притом не при-помнишь ли, — ибо, как видно, ты имеешь острую память, — говорил ли отец твой: лю-безная дочь! живи у дяди даром; ешь и пей даром; учись бренчать, прыгать, горланить — все даром, Розинушка, все даром! а?

Он это говорил тебе? притом, я думаю, ты сама знаешь, чего ныне стоят проклятые пе-вуны и скоморохи! а щегольство-то что? Силы небесные! сколько денег потрачено на ленты, снурки, шляпки, башмачки и прочие необхо-

димые вздоры. Коротко сказать, душа моя, я, предложив тебе свою руку по родству, хотел тебя осчастливить.

Розина. Спасибо, дядюшка, за такую родственную любовь! прекрасный счет! — нет, милостивый государь! я уже не дитя и различать правду от нелепицы сколько-нибудь умею. Возможно ли, чтобы я прожила в пять лет столько денег! С вас довольно и одних процентов. Ведь здесь город, а не пустыня, и есть люди, кои судят о делах по законам.

Руперт. Ба, ба! ты, кажется, начинаешь грозить! посмотрим, поглядим!

Берта (*горничная девка быстро входит*). Поздравляю вас, господин Руперт, я принесла вам добрые вести. Посмотрю, чем-то вы меня подарите!

Руперт. Все дарить, да дарить! это самое глупое обыкновение! — Какие ж вести?

Берта. У нас в передней стоит молодой, статный, пригожий господин и называет себя Милоном.

Руперт (*вскакивает*). Слышишь, Розина! сей час убирайся в свою спальню; — а чего этот господин от меня хочет?

В эту пору добрые люди, поевши порядком, курят табак и отдыхают. Пусть придет в другое время.

Берта. Очень хорошо. Только он верно больше не придет.

Руперт. А почему?

Берта. Потому, что кто покупает брильянтовых вещей на знатную сумму и на наличные деньги, тот везде найдет ювелиров.

Руперт. Что? на знатную сумму? на наличные деньги?

Скорей проси сюда, скорей! *(Берта уходит.)* А ты, Розина, вон, сей час!

Розина. Это весьма неучтиво, дядюшка! что может незнакомый господин мне сделать? Это значит ревновать прежде времени.

Руперт. Не ревновать, а знать политику, как поступать с женщинами. Поди, поди!

Розина. Да вот и господин! *(Милон с Бертою входят.)*

Руперт. Этакая упрямая! постой! — Прошу покорно сюда, милостивый государь! садитесь на софу, да поговорим о нашем деле. *(Тихо.)* Розина! *(Мигает, чтоб ушла.)*

Розина *(громко).* Что вам угодно?

Милон. Мы, сударь, дело наше кончим в два мига. Мне сказали, что вы искуснейший ювелир во всем городе.

Руперт. По крайней мере не слыхал, чтоб был кто меня искуснее.

Милон. Вы также отлично занимаетесь политикою.

Руперт. Кто вам об этом сказывал?

Милон. На что сказываться имею особенный дар от неба, что могу узнать политика за полверсты — не говоря с ним ни слова.

Руперт. Мудрено! Однако что наше дело?

Милон. А эта прелестная девица не дочь ли ваша?

Руперт (сухо). Нет, сударь.

Милон. Так супруга?

Руперт (с досадою). Нет еще.

Милон. Э! постойте! вы не знаете, что я не только великий политик, но не меньше того и хиромантик. Позвольте, красавица, вашу ручку!

Розина. Извольте! *(Милон, взяв ее за руку, искусно вручает письмо.)*

Руперт (сердито). Что это? Разве так ныне хиромантики узнают правду? Не трудитесь,

сударь! это Розина, моя племянница, которой я теперь опекун, а вскоре буду кое-что и более.

Милон. Постойте, сударь, я сей час отгадаю! вы хотите быть ей супругом! так! моя политика не лжива. Она точно такова, как знаки показывают. Это сей час можно было отгадать. Когда она на вас взглянет, то так любезно улыбнется, тако мило, что я...

Розина. Вы, сударь, умеете льстить приятно.

Руперт (*запальчиво*). Замолчи, беспутная, и сей час вон; а вас, милостивый государь, прошу покорно начать о деле; если же оно так обширно, как видно из предисловия, то мы не приведем его в действие и в десять лет. (Тихо, Розине.) Если ты сей час не уйдешь, то я вытолкаю в шею.

Розина. Слышу, дядюшка! Берта! поди, да поскорее приготовь кофе и две трубки с табаком.

Руперт. Розина!

Розина. Сию минуту, сударь!

Милон (*к Руперту взбешенному*). Стойте, стойте! я помощью политики сейчас узнаю

ваше желание. Вам хочется, чтобы милая племянница и будущая супруга сама присмотрела, как будут готовить кофе. Итак, сударыня, я на несколько минут лишусь счастья вас видеть.

Розина. Пойдем, Берта! *(Уходят.)*

Руперт *(тяжко вздохнув)*. Я и сам не знаю, что здесь делается! *(К Милону.)* Ну, сударь, не лучший ли я против вас политик, что выслал племянницу с девкой. Они только мешали приступить к делу. Теперь с помощью божиею начнемте.

Милон. Прошу присесть, и я все скажу вам в коротких словах. — Весьма недалеко отсюда живущий...

(Розина входит; за нею Берта с подносом.)

Руперт. Опять их несет нелегкая! что из этого будет?

Милон. Оставьте их, пожалуйста! у меня нет никаких тайн. Пускай и прелестная племянница ваша вместе с нами кушает кофе. Это продолжению нашей повести не помешает.

Руперт. Продолжению повести? Так это и до завтра не кончится?

Милон. Самая коротенькая повесть!

Руперт (*нетерпелива*). Весьма недалеко отсюда живущий...

Милон. Точно так! вы прекрасную имеете память. — Дядя мой по матери, пребогатый лифляндский барон фон дер Аффенберг, будучи теперь около семидесяти лет, решился в такие цветущие лета жениться на двадцатилетней графине фон, фон... — хоть убейте, не вспомню имени!

Руперт. Ну, в этом надобности мало! что ж этот г-н барон?

Милон (*к Розине*). Не правда ли, сударыня, что прекрасная пара? Ни чуть не хуже, как и вы будете с дядюшкой. Страстно люблю людей в пожилых летах! — там-то искать ума, бережливости, политики и возможного благонравия! если бы кто мог высватать за меня красавицу во сто лет, ей-богу, сегодня бы женился. Но где найдешь такого феникса?

Розана. Да вы, сударь, причудливы! хотите умной и пригожей жены, да еще и политика.

Милон. А прогос!{3} если вы, г-н Руперт, желаете быть совершенно счастливы женою, то у меня такой клад есть на примете. Тетуш-

ка моего дядюшки Ульрика фон Нессельвальд близка уже к сотому году и невинна, как горлица. Не упускайте случая! я ручаюсь, что она совершенно знает политику.

Руперт. Точная правда, что нашему делу конца не будет!

Милон. Сию минуту! дядюшке хочется невесту свою повеселить несколькими брильянтовыми безделушками, до которых она смертельная охотница.

Руперт. Кто из женщин не такова! надеюсь, что мы скоро поладим.

Милон. Ни больше, ни меньше, он на эту шалость назначил издержать до 50 тысяч рублей, и мне, как знающему таким вещам моду, поручил исполнение. Итак, я кончу разговор вопросом: есть ли у вас на такую сумму вещей, или нет?

Руперт. Как не быть! вам, видно, не дураки на меня указали. У многих ювелиров бывает премного вещей, а весьма не много своих, и все продают по комиссии; я же напротив. Только предуведомляю, что в долг не даю никому и ничего.

Милон. Одною рукою будете отдавать ве-

щи, а другою принимать деньги.

Руперт. Это мне очень нравится. Что же да что нужно?

Милон. Сей час. Вот у меня и роспись за подписанием дядюшки. *(Вынимает бумагу.)* Табакерка от 5 до 10 тысяч рублей.

Руперт. Есть! по совести отдать можно за 8 тысяч; самого последнего фасону!

Милон. Две пары серег самой высокой воды и работы; с полдюжины перстней, две или три пары браслетов, головной убор, — словом — чтобы все не превышало 50 тысяч рублей.

Руперт. Все есть, все есть, и самое лучшее. Вам как будто сказывал такой человек, который хорошо знает ящики в моем шкапе.

Милон. Мне сказали самые верные люди. Вот вам записка; потрудитесь отыскать вещи, уложить, — и отправимся вместе, к барону.

Руперт. Это можно бы и тут кончить. Вы возьмете мои вещи, а мне отдадите деньги.

Милон. Помилуйте! если бы я покупал для себя, так можно бы вдруг решить такую безделицу. Но между высокоурожденными лицами этого не водится. Легко станется, что ка-

кая-либо вещица не понравится и надобно будет заменить другою. Впрочем, если вы так тяжелы на ногу и не хотите идти со мною, то я пойду к другому мастеру, хотя наверное знаю, что нигде не найду вдруг всех надобных мне вещей.

Руперт. Пойдите, пойдите! так и быть; я иду с вами. Вы говорите, что г-н барон живет недалеко?

Милон. Близехонько! только что не видеть!

Руперт. Хорошо! да и мне укладывать недолго. Пойдем, Розина, в мой кабинет; ты мне поможешь.

Розина *(в сторону)*. Нечего делать! не знаю, чем отговориться... *(Уходит с Рупертом.)*

Милон. Слава богу! начало пошло порядочно. Ах, как бы я был счастлив, если б и конец был так же удачен! да, чуть второпях и не забыл. Вот ключ, сделанный по данному мне тобою слепку.

Берта. Вы, кажется, пускаетесь наудалую. Откудова взялся у вас дядя барон, когда вы, кроме бедного жалованья да заржавелой

шпаги, с позволения сказать, ничего не имеете.

Милон. О самом важном имуществе моем ты забыла, то есть об уме гибком, оборотливом. С ним недолго попасть в родство и с князем; надобно только после уметь поддержать себя. Словом, этот день, а более ночь, будут решительны, и как скоро в 12 часов вечера меня у вас не будет, то знайте, что я попался в тенеты, а оттудова весьма не скоро выдерусь, а если и удастся, то непременно должен буду переменить место службы и ехать для добычи серебра и золота на китайские границы.

Берта. Поэтому вы затеяли неладное дело! я боюсь, чтобы и нас, бедных, не запутали. Руперт богат и легко с племянницей откупится, а меня, сердечную, не заставили бы сотовариществовать вам в путешествии.

Милон. Ничего не бойся! если мне будет удача, то мы все трое счастливы; а если плохо, то одному мне. Да вот и г-н Руперт с вещами.

Руперт. Ну, сударь, я готов; а чтобы вы и впредь в случае подобных покупок не забыли моей квартиры, то прошу для памяти при-

нять эту золотую табакерку.

Милон. Очень хорошо. Хотя у меня подобного вздору пропасть, но для вас не отрекаюсь принять и этот. Ба! да она и с табаком! *(Нюхает, чихает, выхватывает носовой платок, из которого выпадает старая тавлинка {4}. Милон схватывает ее, прячет в карман. Все в недоумении.)*

Руперт. Это, конечно, у вас редкий антик {5}?

Милон. Да такая, сударь, редкость, которой не отдам за пять, за десять, — куда! — ни за сто тысяч рублей.

Руперт. Да это, кажется, вещь самая простая.

Милон. Какая надобность! ведь у вас в руках простая салфетка: возьмите за нее, разумеется, как она теперь есть, десять тысяч. *(Хватается за карман. Розина и Берта, усмехнувшись, отходят к окну.)*

Руперт. Слуга покорный!

Милон. То-то же и есть! Почему вы знаете, что хранится во внутренности моего антика? Я охотно бы и теперь показал, но это нас задержит. Думаю, дядюшка давно ждет.

Ахти! постойте на минуту! я так этими свадебными хлопотами расстроен, что чуть было не забыл об одном обстоятельстве уведомить. Дядюшка мой, будучи еще лет пятидесяти, страстно влюбился — отгадайте, в кого или во что? а политику это бы знать надобно!

Руперт. В красивую девицу, думаю.

Милон. Нет!

Руперт. Ну, ин во вдову; мне все равно.

Милон. Вам, а не мне! он влюбился — в медицину! ась?

Как не разумел в ней ничего, то нанял двух докторов, которые терзали его уроками целые пять лет и довели почти до сумасшествия. Он прогнал медиков, награди щедро позатыльщинами, и плюнул на медицину. Однако она и до сих пор, как верная любовница, его не оставляет. На дядюшку по временам находит дурь, и он точно считает себя великим доктором. Тогда не только слуги, но и мы, ближние родственники, боимся напомнить о его баронстве. Впрочем, эта шаль скоро проходит, и он первый смеется над своим дурачеством.

Руперт. А мне какая надобность? Я покудо-

ва останусь в передней, а вы забежите узнать, кто он тогда будет: барон или доктор. Как бишь его милость величают?

Милон. Барон фон дер Аффенберг. Вы не забудете; ибо стоит только взглянуть на его лицеизображение, то сей час представится вам самая пригожая обезьяна.

Руперт. Теперь, кажется, все в порядке. Идемте! ступайте вперед, а мне нужно кое-что шепнуть моим девкам.

Милон. До свиданья, сударыня! *(Уходит.)*

Руперт. Ну, оставайтесь с богом! я ни за что не покинул бы тебя одну, Розина, с этою плутовкой, но меня утешает то, что вы будете за замком и на самое короткое время.

(Уходит и снаружи замыкает дверь.)

Берта. Что скажете, сударыня! каков показался вам сегодня Милон?

Розина. Я его совсем не поняла, так он чересчур замысловат. Не говорил ли он тебе чего-нибудь пояснее?

Берта. Очень довольно; однако прежде прочтите письмецо, которое умел он вручить вам.

Розина. Изволь! оно самое недлинное. *(Чи-*

тает.) «Милая Розина! сегодня около полуночи я надеюсь быть к вам, и — что бог даст!» — вот и все. Я несколько догадываюсь о его намерении. Вероятно, пользуясь темнотою вечера, заведет бедного старика на край города, кинет, поспешит сюда, помощью поддельного ключа будет впущен и... Но что пользы? Стоит ли один час свидания, чтоб отваживать слишком много? Беда, если дядюшка здесь его застанет.

Комната доктора Симона Аффенберга.
На столе стоят две свечи; книга и тетради разбросаны в беспорядке. Он сидит в креслах со стаканом в руке.

Доктор. Надобно признаться, что Броунова система едва ли не лучше всех прочих; ибо пунш и подлинно преизящный напиток. Недаром один немец сказал в похвалу ему прекрасную речь. Какие превосходные производит он действия основанные на разуме истинной философии!

Слуга *(входит с Милоном)*. Вот г-н барон фон дер Лохенкрет.

Доктор. Добро пожаловать. Что ваш больной?

Милон. К несчастью, не лучше прежнего. Он теперь только и бредит о брильянтах, а кто настоящим именем назовет его — графом фон Думдумом, он пуще бесится. Хотя в брильянтах знает он толку не более камчадала, однако величает себя первым ювелиром в столице; словом, если и вы при всем искусстве не возвратите ему прежнего рассудка, то

вся надежда пропала!

Доктор. Кто? Я? Доктор Аффенберг! да я разве только что мертвых не воскрешаю, а с живыми управляюсь по произволу.

Милон. Дай бог удачу! вот вам бумага, правительством утвержденная и ближайшими родственниками нашего бедного графа подписанная, по силе которой имеете вы полное право поступать с ним по своему благорасположению. Только предвещаю вас, что он бывает очень сердит, если станут ему противоречить.

Доктор. Противоречить всякому больному не годится.

Милон. Вся родня наша просит чрез меня, чтобы вы, в знак будущей их признательности, приняли сей подарочек — табакерку, которая хотя не более стоит пятисот рублей, но будет залогом нашей исправности.

Доктор. Охотно принимаю и не иначе, как в знак дружбы. Итак, его сиятельство останется у меня, и уверяю, что через неделю-другую вы увидите его или совершенно здоровым, или — в гробе. Это моя система.

Милон. И самая умная. Не лучше ли уме-

реть однажды, чем умирать каждую минуту! итак, расстанемся. Прикажите проводить меня особым ходом, ибо дядюшка, увидя меня, привяжется, и после изволь с ним ладить.

Доктор. *Добрая выдумка. (Звонит. Слуга входит.)* Проводи господина барона задним крыльцом, да скажи Иогану, чтобы стерег больного покрепче. Не дерется ли он, когда на него находит?

Милон. Нет! но чего вам бояться? В бумаге, мною вам отданной, именно сказано, что если больной граф чересчур заблажит, то вы его свяжите, скуйте, словом, хоть на всякий час секите, вы все вольны делать и никому ни за что не отвечаете. Итак, до свиданья.

Доктор. *Ин прощайте, сударь. (Милон с слугою уходит)*

Доктор (один). То правду сказать, что докторское звание самое лучшее в свете, и я ни на какое другое не променяюсь. Лечи себе людей, как знаешь, да бери деньги, вот и все тут. Маленького вора больно секут, большого вешают; а наш брат не только грабь, но даже мори людей тысячами, — и никто тебе ни слова. Хотя я, правду сказать, не так-то молод,

и не больно красив, однако — лишь только открою руку с червонцами, так множество прелестных нимф перестают быть спесивыми. Негодная жена моя, конечно, врала, называя меня бесхвостую обезьяной. Как разумно поступил я, что продал ее богатому дураку и тем освободил дом свой от злого духа, самого нечистого и сварливого! — Где бы мне удобнее поместить моего больного, и по какой методе начать лечение? Помещу его в зеленой комнате, а начну пользоваться согласно с мнением великого Боэргава, то есть прежде рассержу его сколько можно больше, а потом задам добрый прием чистительного. Но чтоб все это имело более действия, не надобно во весь вечер, ночь и утро давать ему ни есть, ни пить, ни постели для отдыха. Пусть его сиятельство несколько часов попостится, тем здоровее будет. Между тем приготовлю заранее нужные лекарства.

Комната, назначенная Руперту. Он сидит на стуле, у окна, в самом угрюмом положении. Утро.

В боковой комнате бьет 9 часов.

Руперт. Праведное небо и вы, блаженные угодники! видано ли когда подобное мучение? Какой злой дух в виде вчерашнего баронского племянника ко мне являлся? Волосы дыбом становятся, когда только вспомню о всем, со мною случившемся. Шутка ли, на 50 тысяч брильянтов, — и не знаю, в чьих они руках! в течение целых 15 часов не выкурить ни трубки табаку, не выпить кружки пива, не съесть куска бутерброду, — вот истинная казнь египетская! Не за то ли уже господь бог меня карает, что хотел жениться на Розине? Так, кажется, это не великий грех. Можно ли только 30 тысяч рублей да и с процентами передать в чужие руки на мотовство и роскошь! это было бы сущее самоубийство! всего вернее, что г-н барон теперь в помешательстве и, считая себя доктором, никого не допускает. Так, точно так! но зачем же запирает меня,

как колодника. Никакая политика сего не отгадает! — нет! конец моему терпению! я уже стар для того, чтоб быть предметом поругания, и чьего? Сумасшедшего! *(Кричит.)* Эй, есть ли здесь хотя одна душа живая? Откликнитесь, хоть бы вы были злые духи!

(Бежит от одной двери к другой и сильно стучит руками и ногами. Вскрестости слышно, что боковая дверь с другой стороны отпирается; Руперт становится посередине и вздыхает.) Слава богу, кто-нибудь явись, и в моем положении все лучше, нежели никого. Дай-ка я приосамлюсь и спою добрую песню г-ну барону. Чем я виноват, что на него дурь находит?

Доктор *(с четырьмя человеками слуг и склянкою в руках, входит)*. Не давайте пройти спасительной минуте! ты, Иоган, и ты, Фридрих, поймайте его и держите покрепче; ты, Давид, приподними ему голову, а ты, Ульрих, этим инструментом разними рот пошире, а я уж знаю, что делать. *(Слуги бросаются на Руперта, сильно защищающегося.)*

Руперт *(в крайнем бешенстве)*. Люди ли вы или черти? Помилуйте! караул! режут! о гос-

поди!

Доктор (вливая ему в рот микстуру). Эта спасительная влага есть изобретение великого Берндта, сущего гения в медицине. Держите его крепче, чтоб не пролить ни одной капли. Хорошо! смотрите, примечайте! ничего еще не видя, а он уже зажмурил глаза, и пена на губах показалась. Это значит, что дурь мигом выходить начинает, устрашась силы эликсира. Довольно! посадите его в кресло. Так! что, милостивый государь? Чувствуете ли вы во рту маленькую горечь с небольшою соленостью?

Руперт (почти одурелый). Ох! Господи твоя воля! или я сам сошел с ума и все это мне мерещится, или попал в дом бешеных. Что тут со мной, бедным, делают? — Нет, г-н барон, эта проклятая шутка не пройдет вам даром. Это хуже всякого грабительства. Отдайте скорее следующие мне 50 тысяч рублей или возвратите брильянты, а там увидим, что скажет юстиция.

Доктор. Барон — брильянты — а, а! видите, ребята, как сильно укоренилась в нем дурь? какие же брильянты, ваше сиятель-

ство?

Руперт. Прах побери всякого, кому кажусь я сияющим.

Сей час мои бриллианты назад; а невеста вашей баронской милости и без них обойдется. Сей час, сей час! у меня голова кружится от беспокойства, досады и вашего яду.

Доктор. Непростительно грешите, граф, называя мой спасительный бальзам ядом.

Руперт. Долго ли вы будете меня морочить, г-н барон? Мне каждый миг крайне дорог. Я оставил целый дом на одну племянницу. Какой я к черту граф? Отдайте мои бриллианты, и оставайтесь в покое до времени. Какая дурь на высокопочтенного г-на барона наехала!

Доктор. Да почему я кажусь вам каким-то бароном? Опомнитесь, г-н граф!

Руперт. Вы лучше образумтесь! в какую же несчастную минуту я пришел к вам! проклятый змей эдемский соблазнил меня! итак — коротко да ясно — г-н барон...

Доктор. Успокойтесь, г-н граф, и дайте лекарству подействовать!

Руперт. Не хочу, чтобы отравы эта действо-

вала.

Доктор. Э, э! Граф! не рассердите меня. Знаете ли, что значит назвать доктора отравителем? Я советую беспрекословно следовать моим рецептам, иначе я поступлю с вами по силе данной мне власти. Что вам пришло в голову, что я барон? Я настоящий, истый доктор Симон Аффенберг.

Руперт. А, понимаю! конечно, на вас напал теперь злой час, что вы сами себя не помните, а меня из ювелира Руперта пожаловали в графы. Опомнитесь, бога ради, г-н барон фон дер Аффен...

Доктор. Стой, стой! перестань блажить! говорят тебе, что я доктор Симон Аффенберг, и будет с меня, а кто назовет бароном, тот верно рехнулся ума.

Руперт. А долго ли вы намерены пробыть доктором?

Доктор. До конца моей жизни.

Руперт. Нет! видно, мне покудова оставить свои брильянты и броситься в Управу благочиния. Здесь происходит целая бесовщина. Прощайте, государь мой!

Доктор. Ребята! *(Слуги окружают Руперта,*

стоящего в окаменении.) Не угодно ли, г-н граф, подождать немного и выслушать, что такое написано в этой бумажке. (Вынув бумагу, читает.)

«Мы нижеподписавшиеся, с дозволения правительства, сумасшедшего дядю нашего, графа фон дер Думдума, отдаем для пользования в сей болезни г-ну доктору Симону Аффенбергу с тем, что может он с оным дядею нашим поступать по своей воле, именно: связывать веревками, сажать на цепь, брить голову и сечь лозами или плетью, сколько нужно будет; за что мы, его родственники, почтем себя весьма обязанными».

Подписали: Барон Ганс фон дер Лохенкрет.

Граф Ульрих фон Шустер-Мустер.

Баронесса Гертруда фон дер Фоссфосс.

Графиня Кунигунда фон Гарен-Лох.

Ну, что скажете, г-н граф? Стоит только мне мигнуть своим людям, и вы вдруг будете связаны, и на первый раз для разжижения крови получите в спину сотню полновесных ударов плетью. Не лучше ли перестать юродствовать и навсегда выкинуть из головы брильянты?

Руперт. Час от часу лучше! меня стегать плетью? Меня незаконно лишать собственности?

Доктор (*нюхая табак*). Опять за то же принимается!

Руперт (*опрометью бросается на доктора и вырывает табакерку*). Ага, г-н барон! прошу не взыскать, я вас поймал! как можете вы отпираться от моих брильянтов, которые при свидетелях отдал вашему племяннику, для вручения вам в этом самом доме; а в доказательство моей благодарности подарил ему эту самую табакерку. Слава богу, что и сему есть живые свидетели: племянница моя Розина и горничная девушка ее, Берта.

Доктор (*про себя*). Розина! точно, сим именем называется пригожая девушка и есть племянница какого-то ювелира Руперта! надобно осведомиться обстоятельнее. — (*К Руперту.*) Да не того ли молодого человека называете вы моим племянником, который вас привел сюда?

Руперт. Именно его. Он-то меня и уведомил, что вам, дяде его, барону фон дер Аффенбергу, для невесты вашей нужно брильянто-

вых вещей на 50 тысяч рублей, и я, несчастный, вручил ему оные для показания вам. Вот и счет им за подписанием собственной руки вашей. *(Показывает расписание, полученное от Милона.)*

Доктор *(рассмотрев бумагу, пожимает плечами)*. Свидетельствуюсь всеми больными, для коих писывал я рецепты и кои остались еще в живых, что в сей подписи барона фон дер Аффенберга нет ни одной буквы моего почерка.

Руперт *(содрогаясь)*. Вот ужасное приключение! — этот племянник ваш сказал мне за тайну, что на вас находит иногда дурь и что вы вместо барона считаете себя доктором.

Доктор. Он же и со мною договорился, чтобы я пользовал дядю его, графа Думдума, который иногда блажит и, считая себя славным ювелиром, от всякого спрашивает своих брильянтов. Он вас вчера ко мне привел и в знак будущей благодарности подарил эту табакерку, а я решился сегодня начать лечение.

Руперт. Если вы говорите, как человек разумный, то мы оба пренарядные филины. Как можно было вам поступить так легковер-

но? — Посему вы ничего не знаете о моих брильянтах?

Доктор. Не более, как что вы в часы безумия не перестаете об них заботиться.

Руперт. Что ж мы будем делать?

Доктор. Более нечего, как взять терпение!

Руперт. Этот рецепт сносен для вас, ибо вы только что одурачены, а я сверх того в большом еще убытке. Где мне найти проклятого барона фон дер Лохенкрета?

Доктор. Вероятно, что во всей вселенной такого не отыщете, равно как и прочих высоких особ, подписавших этот акт о сажании вас на цепь и об укрощении буйства плетью. Однако я знаю одно средство, могущее хотя не совсем, по крайней мере большою частью, поправить вашу ошибку и пополнить убытки. Как вы оказываетесь здоровым человеком, то надобно вечернюю и утреннюю диету вознаграждать хорошим завтраком. Что вы больше любите?

Руперт. Ах, еда на ум нейдет! однако для подкрепления сил велите подать чего-нибудь, да поскорее! возможно ли? В мои лета опытности, мудрости и политики — быть постри-

жену в ослы, и кем? Двадцатипятилетним молокососом! о Руперт, Руперт!

Доктор. Не печальтесь! это не смертельная болезнь, следовательно, можно найти способы к излечению. Поедим прежде, а там и порассудим о рецепте. Я сам немец и не могу долго пробыть без шнапсу и блутвурстов. (*К слугам.*) Чтобы сейчас все было готово. (*Слуги выходят.*) Тут-то и намерен открыть вам мой планец о поправлении сего несчастья. Вы должны быть человек благоразумный, а потому надеюсь, что легко склонитесь на мое предложение. (*Слуги приносят прибор, и по данному знаку удаляются.*) Во здравие! (*Пьет, ест и опять пьет.*)

Руперт (*подражая ему*). Слуга покорный!

Доктор. Итак, выслушайте меня. Я, слава богу, избавился жены моей и теперь свободен.

Руперт. Довольно наслышался о вашей истории; но мне и в голову не приходило когда-нибудь спознаться с вами, а особенно таким чудесным образом.

Доктор. У вас есть прелестная племянница, Розина. Согласитесь отдать ее за меня?

Руперт. Ах! этого я не могу сделать! и прежде намерен был я сам на ней жениться, а теперь и подавно надобно это сделать по некоторым — мне известным — обстоятельствам.

Доктор. Которые, может быть, не менее и мне известны.

Как только я в первый раз увидел Розину в кирке, то и пленился ею во всю докторскую мочь. Начав тотчас осведомляться о роде и племени красавицы, узнал, что она сирота и живет у дяди своего, ювелира Руперта. С тех пор всячески старался я завести с вами знакомство, но не мог. К несчастью, во все это время были вы здоровы, а брильянтов доктора не покупают, и потому не было случая даже узнать вас лично, как вдруг теперешнее благоприятное обстоятельство...

Руперт. И злomu татарину не желаю таких благоприятных обстоятельств!

Доктор. Выслушайте! Мне известно приданое Розины. За себя ли ее возьмете или выдадите за другого, все надобно или ей, или другому отдать тридцать тысяч приданого, да и с процентами. Я же, напротив того, будучи сам

по себе довольно заживен, а притом получа за прежнею женой значительную сумму, ничего не возьму за Розиною. Итак, вы теряете только свои 50 тысяч в брильянтах, а Розинины остаются у вас. Теперь следует вам сказать по совести: стоит ли Розина 30 тысяч? Разумеется, Розина без приданого, сама по себе?

Руперт. Вы шутите, г-н доктор, или считаете меня крайне нерасчетистым. Ни за какую женщину в свете не дам я более 300 рублей, а то 30 тысяч! видно, и на вас находит иногда порядочная дурь! Извольте, на объявленном вами условии — Розина ваша хоть сегодня. Я не знаю, что она, бедная, теперь обо мне думает. Между нами будь сказано: я держу ее за замком и вчера, отправляясь сюда с молодым разбойником, запер двери крепко-накрепко. Мы вдруг сладим делом.

Доктор. Чем скорее, тем лучше. Я нетерпеливого сложения. Виват! (*Пьет.*)

Руперт. Однако терпение есть отличная черта истинного немца. Виват! (*Пьет.*)

Слуга (входит). Вот письмо на имя г-на Руперта. Какой-то незнакомец сейчас принес его.

Руперт. На мое имя? Кто же мог бы знать, что я ночевал в чужом доме? Посмотрим! *(Разламывает пакет, приглядывается, но ничего разобрать не может.)* Г-н доктор! верно, вы хорошо ужинали и спокойно спали, так, думаю, и глаза у вас посветлее; а я ничего тут не разберу. Потрудитесь прочесть.

Доктор. Очень хорошо! но нет ли в письме чего-нибудь особенного?

Руперт. У меня нет никаких тайнств.

Доктор. Извольте! *(Читает.)* «Любезный дядюшка!»

Руперт. Ба, ба! от кого?

Доктор. Подписано: Розина.

Руперт. Скорее, г-н доктор; не сделалось ли какого несчастья?

Доктор *(продолжает читать).* «С тех пор, как вы объявили меня своею невестою и начали держать всякий раз под замком, чему будет уже около двух лет, я сама себе призналась, что люблю другого, именно того молодого человека, которого вчера вы у себя видели в качестве племянника какого-то барона, хотя он существенно не более как бедный, безродный чиновник, служащий в канцелярии

одного случайного барина».

Руперт. О небо! этот день назначен для моего мучения за вчерашнюю глупость! Как осмелюсь я теперь, шестидесятилетний муж, назваться без угрызания совести политиком, когда двадцатилетняя девчонка водила меня за нос целые два года, и я этого не заметил, пока сама не призналась! Далее, бога ради, далее!

Доктор. Признаться, и у меня отпадает охота иметь жену для других. Я довольно прочен и первою. Слава богу, что мог сжить ее с барышом! *(Читает.)* «Вы простите, любезный дядюшка, мою откровенность. Когда вы думали, что имеете право назвать меня своею невестой, не спрося у меня согласия, то почему и я не могу избрать жениха, не докладываясь вам, а только справясь с своим сердцем?»

Запирая меня в доме, когда бывало выходите, вы научили меня способу достать поддельный ключ, которым и воспользовалась. Вы, не позволяя мне надеяться на отцовское наследство, принудили жениха моего, человека честного и прямодушного, выманить у вас оное. Мы теперь квиты.

Если оставите смешное желание нам отомстить, ибо знайте, что с двенадцати часов минувшей ночи я уже замужняя женщина...»

Руперт (*вскочив*). Уже? Ну, каково кажется вам, г-н доктор? О, негодная, пребеззаконная!

Доктор. Скоро конец письма. (*Читает.*) «Замужняя женщина, то поставьте над воротами вашего дома на вывеске знак масличной ветви, и мы догадаемся, что хотите с нами помириться; а до тех пор вы нас не увидите. Заочно целуя чело ваше, истинную вывеску возможного благоразумия и прозорливой политики, семь племянница ваша, Розина».

Ну, что скажете, г-н Руперт?

Руперт. Она ж, бездельница, еще и насмеяется! (*Вздыхает.*) Видно, провидению не угодно, чтоб мы, г-н доктор, в наши лета замышляли о женитьбе. Я сказал, что немец должен быть терпеливейшим животным на здешнем свете.

К тому ж я утешаюсь мыслию, что новый племянник мой есть политик немаловажный, когда в течение целых двух лет так удачно мог ставить мне на нос очки, и наконец, доканал, и кого? — поседевшего в политиче-

ских рассуждениях. Теперь будет мне с кем проводить зимние вечера за трубкой табаку и кружкою пива! — Пойдем-ка, г-н доктор, ко мне, и не входя в ворота дома, на моей вывеске напишем мелом или углем масличную ветвь мира. Племянница с своим мужем, верно, исподтишка будут присматривать за такими важными особами, каковы, например, барон фон дер Аффенберг и граф Думдум, придут к нам, мы отобедаем все вместе, и весь день проведем не скучно. Пусть хоть сегодня отдохнут ваши больные, и ваша жажда к лечению утолится одним мною.

Доктор. Хвала немецкому гению! Клянусь Гиппократом{6}, Парацельсом{7}, Боэргавом и проч. и проч., что ни француз, ни англичанин не сохраняют такого присутствия духа, какое оказалось во мне при продаже жены, а в вас при потере невесты с ее приданым!

Примечания

Один из каналов в С.-Петербурге. (*Примеч. Нарезного.*)

[^^^]

Комментарии

В комическом фарсе «Невеста под замком» высмеивается скудость, чванливость, ограниченность богачей — ювелира и врача, немцев, наводнивших в XVIII в. Россию в поисках наживы. Н. А. Некрасов воспользовался этим сюжетом Нарезпного для водевиля «-Шила в мешке не утаишь, девушку под замком не удержишь» (1841).

[^^^]

...целомудреннее всех Сусанн... — Согласно ветхозаветной книге пророка Даниила, Сусанна, жена Иоакима, отличалась редкой красотой и целомудрием.

[^^^]

А propos! — кстати.

[^^^]

4

...старая тавлинка — плоская табакерка из бересты.

[^^^]

5

...антик — старая, антикварная вещь.

[^^^]

6

Гиппократ — древнегреческий врач (460–377 или 356 до н. э.), которого называли «отцом медицины».

[^^^]

Парацельс — Филипп Аврелий Теофраст Парацельс(ий) (1493–1541), знаменитый врач, алхимик, мистик, родом из Швейцарии.

[^^^]